
Луис 30-х играет для нас, отражаясь от кафельных стен.
Я шатаюсь в оранжевой майке «No love - no problem!»
по комнате. Маюсь от скуки.
+ 35, опускаются руки и загар печатывает лицо.
Под новостные фанфары, круг недельный,
что круг сансары – запаивается в кольцо.
Выраженные в бумаге и цвете, мои идеи лежат в углу
и ждут кормления, внимания, как новорожденные дети.
Я же жду похолодания. Сонно складываясь в дугу,
проваливаюсь сквозь лето, как сквозь подломившийся гнилой пол,
в прозу Марины. Там Коктебель, и дома из глины,
и Волошин, на древнего бога похожий, носит венки
из полыни и ест хамсу.
Я же несу в себе нервность жителя города, усугублённую
веком и яростью СМИ.
Усыпанное моими костями,
диванное тело, вздыхая, просит об осени.

*«My head's been wet with the midnight dew
I've been down on bended knee talkin' to the man from Galilee»*

Лхонпу,
я надеюсь, что ты в Раю.
По воскресеньям звонишь в колокол. Ловишь форель в пруду.
Вешаешь на забор мокрые удочки, смотришь, как Джун красит окна белым.
Она поет так же, как раньше пела.
В понедельник идете в горы. И вообще, ты теперь много ходишь пешком.
Старая жизнь
Заплечным мешком осталась в земле у гнилья и досок.
На волосок оторвавшись
от лестниц, свитых из полосок,
гостиничных простыней и трейлерных штор,
свесившись вниз,
ты смотришь, как я ставлю «Hurt»
на повтор.

Мне пришла посылка:
странный ящик,
внутри гремящий
зарядами
Тесла.
Снаружи он желтый.
Весь
бичевой веревкой
обмотан.
Пожалуй, что Ньютон
послал мне по почте
какой-то свой
© Бобровская И.С., 2011

местный,
придуманный утром
дождь.